

Печальный юбилей

Галина ПЕТРОВА,
организатор Русско-немецкого центра встреч

Поклонный крест на месте бывшего спецпоселения в поселке Березовый установлен в 2010 году.

Памятник трудармейцам, строителям моста через Северную Двину, установлен в 2006 году.

28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный М. И. Калининым, о переселении немцев Поволжья и других областей в восточные районы страны. И повезли эшелоны российских немцев в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию...

13 сентября 1941 года всех жителей хутора Боонес Дамм усадили на подводы и повезли в Марксштадт. Там людей с их имуществом погрузили на баржу и отправили по Волге в Саратов. И началось долгое путешествие на восток страны.

– Везли нас в «скотских» вагонах, в которых в мирное время обычно перевозили скот, – пишет Арнольд Бастер (его воспоминания опубликованы в канадском журнале). – В нескольких вагонах ехали все наши односельчане из хутора Боонес Дамм, в каждом было по 5–7 семей. За все время пребывания в пути нам всего два раза давали какой-то суп. В дороге нас спасали запасы продуктов, которые мама сумела взять с собой. Перед отъездом мы успели зарезать свинью, мама зажарила ее в печи, сложила мясо в ведра, а сверху залила его жиром. Кроме того, удалось взять с собой два мешка муки.

В Бийск в Алтайском крае мы прибыли 26 сентября 1941 года. Вагон не отапливался, но холодно не было. Из-за большого количества людей в одном вагоне порой даже было душно. Воду нам не давали, и мы старались запастись ею на станциях.

Осенью 1941 года с фронта отзывали всех служивших там немцев – десятки тысяч летчиков, танкистов, кавалеристов, пехотинцев, от рядовых до генералов. Со временем они пополнили ряды трудармейцев.

Зимой, в январе 1942 года, началась мобилизация всего мужского немецкого населения от 17 до 55 лет в рабочие колонны, и все они оказались в лагерях ГУЛАГа НКВД. Туда же направили всех снятых с фронта военнослужащих немецкой национальности. Избежали этого позора только погибшие защитники Родины, в том числе 200 с лишним защитников Брестской крепости, до конца выполнивших свой воинский долг. Они так и не узнали, что их родных объявят пособниками врага.

Смертность в лагерях была очень высокой. До конца войны в некоторых лагерях едва ли дожил каждый четвертый из первой мобилизации.

Как утверждает Арнольд Петрович Бастер, в феврале 1942 года, когда его привезли в Котлас, в лагере было 16 тысяч трудармейцев. К 1 мая 1942 года их осталось не более 5 тысяч.

Поэтому к осени 1942 года уже стал ощущаться острый дефицит рабочей силы на стройках, шахтах, лесоразработках, подведомственных НКВД. 7 октября 1942 года вышло новое Постановление ГКО № 2383

«О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР».

Возрастной ценз был расширен: от 15 до 55 лет. Кроме того, мобилизации теперь подлежали и немки от 16 до 45 лет. Исключение делалось только матерям, имевшим детей до трех лет. «Взрослые» дети, старше трех лет, оставлялись с родственниками, знакомыми или сдавались в детдома. Многие из них потерялись или погибли.

В 1945 году война закончилась. Но не для всех – советские немцы продолжали оставаться мобилизованными в трудармию еще более трех лет.

– На спецпоселение нас привезли в апреле 1946 года в Архангельскую область, Черевковский (сейчас Устьянский) район, поселок Казово – это в 50–70 км от станции Кизема. Дороги не было, лошади тащили наши вещи на санях прямо по реке Устья. Взрослые шли пешком за повозками, а самые старые и малыши ехали на санях. Поселили нас в бараки, в которых оборудовали нары, где и размещались по семьям. До 1947 года жили за счет запасов, которые имелись у людей, затем начался голод. Мои мать и сестра работали зимой на лесоповале, а весной – на сплаве леса по реке. Нас, детей, в зависимости от возраста определили в школу, но туда мало кто ходил. Голод взял верх, люди умирали почти каждый день. Выход за пределы поселка был запрещен, но люди все равно ходили в дальние деревни и обменивали последние вещи на картофель, брюкву и другие продукты. В 1947 году меня и других самых слабых детей отправили в Черевковский детдом, – вспоминает в книге «Невыбранное время. Нежданная судьба» Гельмут Адольфович Бетхер.

26 декабря 1948 года вышел Указ Президиума ВС СССР «О закреплении немцев в местах поселения», которым устанавливался комендантский режим спецпоселения. Трудармейцы превращались в спецпоселенцев, лагерный режим заменялся комендантским надзором, при котором нельзя было без особого разрешения сходить даже в соседнее село. Этот строгий комендантский надзор существовал вплоть до 1955 года.

– История моей бабушки, Юлианы Карловны, была еще более тяжелой и трагичной, – рассказывает Любовь Васильевна Баева. – Она решила уехать без разрешения к сыну в Киев, который орденосцем вернулся с фронта. Охрана поймала «беглую», ее судили и приговорили к двадцати годам каторжных работ в Сибири. Оттуда она была освобождена только после смерти Сталина в 1953 году. Ее вернули в спецпоселок Лименда к дочери. Бабушка была уже тяжело больной, но продолжала стоять на учете, под надзором органов МВД. Умерла она в 1956 году через две недели после снятия со спецучета.

Только в 1964 году вышел указ, который снял наконец с немцев обвинения в пособничестве фашистам. Но переезд из мест поселения был разрешен только в Казахстан, на Алтай или в Сибирь.

В 1972 году была разрешена прописка в местах прежнего проживания (Поволжье). Но указ был предусмотрительно засекречен, чтобы не вызвать ажиотажа, и до большинства немцев он дошел только через три пятилетки, когда подули другие ветры...

Прошло 70 лет с тех пор, когда российские немцы лишились своей республики и оказались разбросанными по необъятным просторам нашей страны. Последствия сказываются до сих пор на судьбах этого народа.